

DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-5-86-92
УДК 330.564.224(045)
JEL K33

Социальная ответственность предпринимательства в условиях вызовов Брекзита

Д. В. Галушко

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – нормы международного, интеграционного и национального права, регулирующие различные аспекты социальной ответственности предпринимательства в контексте выхода Великобритании из Европейского союза, называемого *Brexit* (Брекзит или Брексит). *Цель работы* – рассмотрение механизмов международных договоров, заключенных между Европейским Союзом и Великобританией, которые оформили *Brexit* и регламентировали решение общих вопросов социальной защиты и частных аспектов социальной ответственности бизнеса ЕС и Великобритании в условиях международной дезинтеграции.

Делается вывод о том, что британская правовая система, несмотря на выход Соединенного Королевства из Европейского союза, все еще частично подвержена влиянию его права особенно в отношении «равных условий игры», и социальная сфера служит в этом примером. Принятые в ходе правового оформления Брекзита международно-правовые механизмы заложили фундамент обеспечения достаточного уровня конвергенции правопорядков Европейского союза и Великобритании. Выявлено, что заключенное соглашение о торговле и сотрудничестве в отношении сферы социальной ответственности предпринимательства может стать образцом для будущих торговых соглашений как ЕС и Соединенного Королевства, так и других государств и иных субъектов международного права. Выражено мнение о том, что результативность достигнутых договоренностей будет зависеть от принимаемых сторонами мер, направленных на восстановление равновесия и реализацию обязательств в отношении цепочек поставок. Предполагается, что рассмотренные нормативные положения в контексте Брекзита обещают быть значимыми для международно-правовой практики регулирования мер социальной ответственности предпринимательства.

Ключевые слова: социальная ответственность; социальная защита; Брекзит; Европейский союз; Великобритания

Для цитирования: Галушко Д. В. Социальная ответственность предпринимательства в условиях вызовов Брекзита. *Экономика. Налоги. Право.* 2023;16(5):86-92. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-5-86-92

Social Responsibility of Entrepreneurship in the Context of Brexit Challenges

D.V. Galushko

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The subject of the study is the norms of international, integration and national law regulating various aspects of social responsibility of entrepreneurship in the context of the UK's exit from the European Union. *The purpose of the work* is to consider the mechanisms laid down in the international treaties concluded between the European Union and the United Kingdom, which formalized Brexit, and regulated the solution of general issues of social protection and private aspects of social responsibility of business in the context of international disintegration.

It is concluded that, despite Brexit, the British legal system is still partially influenced by EU law, especially with regard to «equal playing conditions», and the social sphere serves as an example in this. The international legal mechanisms adopted during the legal formalization of Brexit laid the foundation for ensuring a sufficient level of convergence of the legal systems of the European Union and the United Kingdom. It is revealed that the concluded agreement on trade and cooperation in relation to the sphere of social responsibility of entrepreneurship can become a model for future trade agreements of both the EU and the United Kingdom, as well as other states and other subjects of international law. The opinion was expressed that the effectiveness of the agreements reached will depend on the measures taken by the parties aimed at restoring balance and implementing obligations in relation to supply chains. It is assumed that the

considered regulations in the context of Brexit promise to be significant for the international legal practice of regulating measures of social responsibility of entrepreneurship.

Keywords: social responsibility; social protection; Brexit; European Union; United Kingdom

For citation: Galushko D.V. Social responsibility of entrepreneurship in the context of Brexit challenges. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(5):86-92. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-5-86-92

ВВЕДЕНИЕ

Выход Великобритании из Европейского союза, называемого сокращено Брекзит или Брексит [от англ. Britain (Британия) + exit (выход)], во многом обусловлен проблемами взаимодействия британского и европейского интеграционного правопорядков [1], в том числе в вопросах социальной защиты населения. Действительно, заключение Брекзита стало следствием попытки решения проблемы отсутствия баланса между обеспечением защиты труда, социального обеспечения и социальной ответственности бизнеса, с одной стороны, и предоставления гарантий свободы предпринимательства в рамках Европейского единого рынка (далее — Единый рынок) в условиях развития конкуренции и обеспечения четырех свобод (свободного движения товаров, услуг, рабочей силы и капитала), с другой стороны [2].

На идеологическом и правовом уровнях отказ Великобритании от имплементации «европейских социальных достижений» (*acquis*) имеет историческую обусловленность. Для Соединенного Королевства характерны долговременная неолиберальная политика¹ и постепенное укрепление социальных преимуществ, связанных со свободным передвижением работников из стран — членов ЕС [3; 4]. Ведь общеевропейские правила и прецедентное право² стали причинами недовольства населения возросшими социальными издержками для принимающих стран из-за обязательств «транснациональной солидарности» со стороны государств — членов ЕС [5], которые компенсировали отсутствие собственно европейской «наднациональной солидарности» [6]. Внутригосударственное недовольство также было подкреплено более прагматичным подходом государств — членов ЕС из континентальной Европы, особенно в отношении трудоустройства работников после расширения Европейского союза на восток [7], что привело к практике социального демпинга в ущерб населению более развитых стран [8].

¹ Countouris N., Ewing K.D. Brexit and workers' rights. Institute of Employment Rights (IER). 2019: 20–32. URL: <https://www.ier.org.uk/wp-content/uploads/Brexit-and-Workers-Rights-booklet.pdf>.

² См. напр.: European Commission v. Netherlands. Case C-542/09, 2012.

Столкнувшись с подобной ситуацией, британские правительства высказывались в пользу либерализации европейского рынка труда, одновременно отрицая возможность введения единых социальных стандартов, которые могли бы смягчить негативные последствия этого процесса [9]. В то же время Европейский союз с позиций функционалистской логики вмешивался в решение социальных вопросов на национальном уровне для развития механизмов Единого рынка, однако он не преуспел в урегулировании элементов дисфункции, основанных на различиях национальных систем социальной защиты [10].

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ БРЕКЗИТА

Соглашение о выходе Великобритании из ЕС³ (далее — Соглашение о выходе) устанавливает режим защиты для граждан, которые поселились и/или работали в Соединенном Королевстве до 31 декабря 2020 г. — окончания переходного периода, исключая из числа бенефициаров людей, кто переезжал в Великобританию после этой даты. В этих условиях формировались две «искусственные» категории лиц, к которым применялись совершенно разные режимы защиты. Последствия для осуществления социальных прав, вытекающих из факта наличия гражданства Европейского союза, в данном отношении весьма очевидны [11].

Вторая часть Соглашения о выходе устанавливает, что эти граждане сохраняют свои права в соответствии с европейским законодательством в течение всей своей жизни (ст. 39) даже при изменении их статуса (ст. 17). Таким образом, основу правового регулирования в рассматриваемой сфере будет продолжать сохранять Директива 2004/38/ЕС⁴, которая санкционирует право

³ Agreement of the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community. OJ L 29. 31.01.2020;7–187.

⁴ Directive 2004/38/EC of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the right of citizens of the Union and their family members to move and reside freely within the territory of the Member States amending Regulation (EEC) No 1612/68 and repealing Directives 64/221/EEC, 68/360/EEC, 72/194/EEC, 73/148/EEC, 75/34/EEC, 75/35/EEC, 90/364/EEC, 90/365/EEC and 93/96/EEC. OJ L 158. 30.4.2004;77–123.

на проживание, приобретенное до 21 декабря 2020 г. В частности, право на постоянное проживание (так называемый «статус оседлости») закрепляется после пяти лет непрерывного пребывания человека в стране, но считается утраченным в случае отсутствия в Соединенном Королевстве более пяти лет (ст. 15). Такая норма ограничивает возможности сохранения этого статуса для наиболее уязвимых категорий работников, не имеющих постоянных трудовых договоров и/или не проживающих постоянно в Великобритании [12]. Более того, неравенство в обеспечении социальных прав еще более очевидно для тех людей, кто приобретает «статус постоянного жителя» до истечения пяти лет, поскольку подзаконными актами установлено, что эти лица не пользуются равными правами с гражданами Великобритании [12].

Что касается прав, связанных с проживанием, то соответствующее правовое регулирование основано на двух основных принципах: с одной стороны, защита, гарантируемая работающим и самозанятым лицам ст. 45 Договора о функционировании ЕС и Регламентом (ЕС) № 492/2011⁵, а с другой стороны, права на социальное обеспечение для граждан государств — членов ЕС и членов их семей в соответствии с Регламентами № 883/2004 и № 987/2009. В этом отношении Соглашение о выходе предусматривало механизм увязки с разработкой европейских правил координации социального обеспечения. Однако правилом, содержащимся в п. 1 ст. 38 Соглашения о выходе, предусматривалось, что национальные нормы, более благоприятные для бенефициаров в вопросах, регулируемых частью второй «Права граждан», в целом не применяются, хотя и не в отношении правил координации систем социальной защиты⁶.

Можно также предсказать, что экстерриториальность, которой наделен соответствующий массив норм права ЕС в отношении Великобритании, вызовет значительные трудности в процессе правоприменения. На территории Соединенного Королевства правоприменение возложено на специальный независимый орган с правом расследования предполагаемых нарушений прав и передачи дел в национальные суды, тогда как возможность передачи дел в Суд ЕС в соответствии со ст. 159 не предусматривается. Кроме того, Соглашением

о выходе в определенной степени допускается отход от исключительной юрисдикции Суда ЕС по толкованию норм права ЕС, поскольку ст. 158 Соглашения о выходе установлено, что в течение восьми лет после вступления в силу данного Соглашения британские суды могут (но не обязаны) передавать вопросы толкования норм в рамках преюдициальной процедуры Суду ЕС. Таким образом, Соглашение о выходе не дает каких-либо точных гарантий относительно будущей практики национальных судов в отношении единообразия в толковании норм права ЕС на территории Соединенного Королевства. Следует отметить, что в данном отношении ч. 5 ст. 4 Соглашения о выходе предусматривает, что при толковании и применении настоящего Соглашения судебные и административные органы Соединенного Королевства должны учитывать соответствующие прецеденты Суда Европейского союза, принятые после окончания переходного периода. Однако нет никакой гарантии в том, что национальная практика будет следовать данному положению вследствие эволюции как норм права ЕС, так и принятия собственных нормативных актов Великобританией, возможно отличающихся от европейского законодательства. В этой связи некоторые исследователи высказывают опасения в отношении того, что указанного периода в восемь лет будет недостаточно, если учесть, например, что вопрос о праве на получение соответствующего надлежащего социального обеспечения может возникнуть много лет спустя для более молодых граждан ЕС [12].

После 31 декабря 2020 г. граждане государств — членов ЕС были поставлены в равные условия с гражданами других третьих стран, и к ним стал применяться новый механизм ограничительного иммиграционного контроля⁷.

Введенный режим иммиграционного контроля направлен на привлечение наиболее квалифицированных иностранных работников исходя из потребностей национального рынка труда⁸ и на блокирование иммиграции малоимущих работников из стран — членов ЕС⁹. После выполнения всех требований иммиграционного контроля граждане стран — членов

⁷ Immigration and Social Security Co-ordination (EU Withdrawal) Act 2020. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2020/20/contents/enacted>.

⁸ McKinney C.J., Gower M., Sturge G. The new points-based immigration system: briefing paper. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8911/CBP-8911.pdf>.

⁹ Ibid.

⁵ Regulation (EU) No. 492/2011 of the European Parliament and of the Council of 5 April 2011 on freedom of movement for workers within the Union. OJ L 141. 27.5.2011;1–12.

⁶ Agreement of the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community. OJ L 29. 31.01.2020;7–87.

ЕС обеспечиваются социальной защитой в пределах, установленных соответствующими положениями Соглашения о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией¹⁰.

Заключение данного Соглашения уже вызвало сомнения относительно будущего уровня обеспечения социальных прав трудящихся. Тем не менее в его тексте о торговле и сотрудничестве воспроизводятся традиционные нормы, используемые в других торговых соглашениях ЕС и имеющие общий характер, в которых стороны подтверждают свое право на издание законов, т.е. право определять приоритеты и внутреннюю политику для выполнения своих социальных обязательств, в частности в отношении поощрения справедливых условий труда и соблюдения основных трудовых стандартов и Европейской социальной хартии. Такие нормы, характер которых согласуется с диспозитивной практикой торговых соглашений ЕС, призваны подтверждать национальный суверенитет в правотворчестве и применении стандартов, установленных Конвенциями Международной организации труда и Европейской социальной хартией.

Другие важные вопросы касаются положения «о недопустимости регресса» в отношении достигнутых социальных стандартов, благодаря которому каждая сторона воздерживается от принятия или поддержания уровней социальной защиты и охраны труда ниже действующих уровней (ст. 388). *Во-первых*, возможность реализации данного положения ограничена как общим характером взятого обязательства, так и подтвержденным суверенитетом в отношении принятия решений по социальным вопросам (ст. 387). *Во-вторых*, стороны обязуются не снижать уровни защиты «таким образом, чтобы это повлияло на торговлю или инвестиции» (ст. 387). Однако арбитражная практика демонстрирует, что нарушение подобных норм в отношении социальной сферы не приводило ранее к санкциям из-за сложности доказывания конкурентного преимущества, возникшего в результате практики социального демпинга, одобренной социальным заказом государства-партнера [13]. При этом Протокол о координации систем социального обеспечения, временно восстанавливая традиционные механизмы координации [14], установил принцип применения законодательства страны трудоустройства и дополнительно критерий

проживания, отступая от положений Регламента ЕС № 593/2008 (ст. SSC.10).

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОГЛАШЕНИИ О ТОРГОВЛЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Соглашение о торговле и сотрудничестве также включает две возможности, касающиеся обязательств в области устойчивого развития и социальной ответственности предпринимательства, а именно в отношении:

- 1) введения мер по восстановлению взаимного баланса (например, тарифов);
- 2) обязательств, касающихся ответственного управления поставками.

В Соглашении о торговле и сотрудничестве содержится ряд новых положений, имеющих отношение к обязательствам в рассматриваемой сфере. Одной из них является норма ст. 411, которая регулирует возможности сторон по введению мер по восстановлению регуляторного равновесия, а другой — ст. 406, касающейся важности ответственного управления цепочками поставок. Формулировки в данных нормах демонстрируют растущее значение повестки дня в области социальной ответственности бизнеса и устойчивого развития в современной торговой политике.

Статья 411 раздела XI «Равные условия для открытой и честной конкуренции и устойчивого развития» Соглашения о торговле и сотрудничестве позволяет ЕС или Великобритании вводить меры по восстановлению равновесия при значительных расхождениях в их политике и приоритетах в отношении охраны труда, социальной сферы, окружающей среды или климата или в отношении контроля за субсидиями, которые возникают и оказывают существенное воздействие на торговлю и инвестиции между ними. Мера по восстановлению равновесия — это санкция (например, тариф), которая призвана компенсировать одной стороне несправедливое невыгодное положение. В этом случае сторона, которая намеревается ввести меры по восстановлению равновесия, должна осуществить процедуру уведомления другой стороне, после которой должны быть проведены консультации для поиска взаимоприемлемого решения. Если соглашение не будет достигнуто, по истечении пяти дней с момента завершения консультаций соответствующая сторона может принять необходимые и соразмерные меры по восстановлению равновесия для исправления си-

¹⁰ Trade and Cooperation Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the one part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the other part. OJ L 444. 31.12.2020;14–1462.

туации при условии, что другая сторона не обращалась с просьбой о создании арбитражного трибунала. Если арбитражный трибунал создан, но не выносит окончательного решения по истечении 30 дней, соответствующей стороне разрешается принять меры по восстановлению равновесия. В свою очередь, другая сторона может также принимать соразмерные контрмеры до тех пор, пока трибунал не вынесет свое решение. При этом цель принятия соответствующих мер состоит в минимизации негативных последствий при нарушении торговых отношений.

Во-первых, данное положение представляет собой усовершенствованную версию подобных норм в других действующих торговых соглашениях Европейского Союза, заключенных с третьими странами. Хотя указанные нормы включают различные типы механизмов урегулирования споров, они не предусматривают возможности применения мер по восстановлению равновесия в отношении третьих стран, не соблюдающих установленные требования. Напротив, Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией впервые предоставляет сторонам надежный механизм для выполнения обязательств в области социальной ответственности бизнеса и устойчивого развития. Однако стоит выяснить, как данные нормы будут реализованы на практике, поскольку Соглашение не дает четкого определения термина «значительные расхождения», являющегося, на наш взгляд, оценочным и субъективным для каждой из сторон, а также не закрепляет перечень или хотя бы примеры соответствующих «мер по восстановлению равновесия».

Во-вторых, ст. 406 Соглашения предусматривает, что стороны признают важность ответственного управления цепочками поставок и практики корпоративной социальной ответственности. В этой связи ЕС и Великобритания должны поощрять ответственное ведение бизнеса, поддерживая соблюдение и имплементацию соответствующих международных документов (например, Руководящих принципов ОЭСР для многонациональных предприятий¹¹, Руководящих принципов предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН¹² и других). В частности, ЕС и Великобритания обязались принять меры по содействию внедрения норм Руководства ОЭСР, касающихся проверки ответственных цепочек поставок

полезных ископаемых, поступающих из районов, где происходят конфликты, и зон высокого риска¹³.

Это не первый случай, когда ЕС ссылается на нормы, связанные с корпоративной социальной ответственностью и использованием международных руководящих принципов в своих торговых соглашениях. Например, Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение между ЕС и Канадой (CETA) содержит аналогичные нормы в соответствующих разделах, посвященных устойчивому развитию и охране окружающей среды¹⁴. Однако впервые ЕС и Великобритания добавили дополнительные формулировки об ответственном управлении цепочками поставок в свои торговые соглашения. Закрепленные формулировки отражают растущую важность обязательств по гарантированию надлежащей осмотрительности и обеспечению соблюдения выполнения норм в отношении социальных прав человека как в Европейском Союзе, так и в Соединенном Королевстве.

ЕС и Великобритания выступают за принятие внутренних правил, касающихся обеспечения надлежащей осмотрительности в отношении цепочек поставок. В рамках Европейского Союза 1 января 2021 г. вступил в силу Регламент в отношении минералов из зон конфликтов¹⁵, который вводит положения об обеспечении надлежащей осмотрительности в отношении цепочек поставок при торговле определенными минералами и металлами для минимизации риска финансирования вооруженных группировок в затронутых конфликтами районах и зонах повышенного риска. Более того, Европейская комиссия выступила с предложением о принятии Директивы об обеспечении надлежащей осмотрительности в отношении корпоративной устойчивости¹⁶ в части соблюдения обязательств в отношении прав человека и социаль-

¹³ OECD Due Diligence Guidance for Responsible Supply Chains of Minerals from Conflict-Affected and High-Risk Areas. URL: <https://www.oecd.org/daf/inv/mne/mining.htm>.

¹⁴ Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) between Canada, of the one part, and the European Union and its Member States, of the other part. OJ L 11/23, 2017.

¹⁵ Regulation (EU) 2017/821 of the European Parliament and of the Council of 17 May 2017 laying down supply chain due diligence obligations for Union importers of tin, tantalum and tungsten, their ores, and gold originating from conflict-affected and high-risk areas // OJ L 130 19.5.2017, p. 1. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02017R 0821-20201119>.

¹⁶ Proposal for a Directive on Corporate Sustainability Due Diligence and amending Directive (EU) 2019/1937. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52022PC 0071&from=EN>.

¹¹ OECD Guidelines for Multinational Enterprises. URL: <https://www.oecd.org/corporate/mne>.

¹² United Nations Guiding Principles on Business and Human Rights. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/guidingprinciplesbusinesshr_en.pdf.

но ответственного корпоративного управления. Директива потребует от корпораций выявления и, при необходимости, предотвращения, прекращения или смягчения неблагоприятных последствий их деятельности для обеспечения прав человека в отношении детского труда и эксплуатации работников, а также охраны окружающей среды, например предотвращения загрязнения и утраты биоразнообразия.

Аналогичным образом Великобритания активно внедряет механизмы обеспечения комплексной осмотрительности в отношении цепочек поставок в области прав человека и окружающей среды. В октябре 2015 г. вступил в силу Акт о современном рабстве¹⁷, который требует от предприятий сообщать о рабстве и торговле людьми в рамках своих цепочек поставок. Данный закон стал первым в своем роде нормативным документом в Европе и одним из первых в мире. Кроме того, Акт об окружающей среде 2021 г.¹⁸ устанавливает новый комплекс мер по борьбе с импортируемой древесиной, требуя от компаний внедрять системы надлежащей осмотрительности в отношении товаров, поступающих из зон повышенного риска в своих цепочках поставок. Согласно новым правилам компании могут подвергаться значительным штрафам, если они не смогут доказать, что их цепочки поставок товаров не связаны с незаконной вырубкой лесов.

В ходе публичных консультаций по новому Регламенту ЕС о надлежащей осмотрительности в цепочках поставок, которые завершились 8 февраля 2021 г., заинтересованные стороны в целом поддержали эту инициативу и призвали Комиссию внедрить эффективные и обязательные правила для обеспечения уважения прав человека и защиты окружающей среды¹⁹. Однако некоторые заинтересованные стороны подчеркнули,

что новая инициатива должна учитывать сложность глобальных цепочек поставок, например отношения с непрямыми поставщиками, а также различия между компаниями и секторами экономики.

ВЫВОДЫ

Рассмотрение взаимоотношений между ЕС и Великобританией после выхода из Брекзита позволило констатировать, что британская правовая система, будучи формально независимой, будет находиться некоторое время под влиянием правовых норм ЕС в особенности в отношении соблюдения заложенного в ходе оформления Брекзита принципа «равных условий игры» (*level playing field*). В целом, правовые механизмы предусматривают в соответствии с Соглашением о выходе несколько более низкий уровень социальной защиты, чем в соответствии с правом ЕС. Однако взаимность обязательств между сторонами все же, на наш взгляд, должна способствовать конвергенции двух правопорядков. Тем более, что в целом, на сегодняшний день Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией является одним из наиболее прогрессивных документов в области обязательств по обеспечению устойчивого развития и социальной ответственности предпринимательства.

В то время как ст. 411 предусматривает комплексный правоприменительный механизм с возможностью введения мер по восстановлению равновесия, ст. 406 подчеркивает важность управления цепочками поставок и обязательств по надлежащей осмотрительности в отношении обеспечения соблюдения прав человека и охраны окружающей среды и предусматривает, что Европейский Союз и Соединенное Королевство должны работать сообща, чтобы укреплять свое сотрудничество в этих областях. Учитывая растущую важность обязательств по обеспечению социальной ответственности предпринимательства, прежде всего в торговой политике, заключенное Соглашение как результат Брекзита может послужить образцом для заключения будущих подобных торговых соглашений.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Галушко Д.В. Теория и практика правового регулирования интеграционных процессов в свете вызовов Брекзита. Дис. ... докт. юр. наук. М.: МГИМО; 2023. 544 с.
Galushko D.V. Theory and practice of legal regulation of integration processes in the light of Brexit challenges. Diss. Dr.. Sci. (Law). Moscow: MGIMO; 2023. 544 p. (In Russ.)
2. Šmejkal V. Competition law and the social market economy goal of the EU. *International Comparative Jurisprudence*. 2015;1(1):33–43. DOI: 10.1016/j.icj.2015.10.002
3. Ewing K.D. Implications of the post-brexite architecture for labour law. *King's Law Journal*. 2017;28(3):403–424.
4. Whiteside N. State Policy and Employment Regulation in Britain: An Historical Perspective. *International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations*. 2019;35(3):379–400.
5. Shuibhne N.N. Reconnecting free movement of workers and equal treatment in an unequal Europe. *European Law Review*. 2018;43(4):477–510.
6. Hjørth F. Who benefits? Welfare chauvinism and national stereotypes. *European Union Politics*. 2016;17(1):3–24.
7. Barnard C., Leinarte E. Brexit & free movement of workers. *Lavoro e diritto*. 2020;3:441–462. DOI: 10.1441/98122
8. Novitz T. The paradigm of sustainability in a European social context: Collective Participation in Protection of Future Interests? *The International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations*. 2015;31(3):256–257.
9. Lindstrom N. What's left for 'social europe'? brexit and transnational labor market regulation in the uk-1 and the EU-27. *New Political Economy*. 2019;24(2):286–298.
10. Gumbrell-McCormick R., Hyman R. What about the workers? The implications of brexit for british and european labour. *Competition & Change*. 2017;21(3):169–184.
11. Dougan M. The constitutional dimension to the case law on union citizenship. *European Law Review*. 2006;31(5):613–641.
12. O'Brien C.R. Between the devil and the deep blue sea: vulnerable EU citizens cast adrift in the UK post-Brexit. *Common Market Law Review*. 2021;58(2):431–470.
13. Compa L., Vogt J., Gottwald E. Wrong turn for workers' rights: the us-guatemala cafta labor arbitration ruling — and what to do about it. URL: <https://laborrights.org/publications/wrong-turn-workers'-rights-us-guatemala-cafta-labor-arbitration-ruling--and-what-do>.
14. Jay S., Davies P., Reid M. Brexit: Implications for employers. *Employee Relations Law Journal*. 2016;42(3):69–82.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Дмитрий Вячеславович Галушко — доктор юридических наук, доцент департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия

Dmitriy V. Galushko — Dr. Sci. of Law, Associate Professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-9301-9565>

DVGalushko@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 17.07.2023; принята к публикации 18.09.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 17.07.2023; accepted for publication 18.09.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.